

ИЛЬЯ ТАРАНОВ

ОХОТНИК ЗА ВЕТРА
ФИЛОСОФИЯ ПОБЕДЫ

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Илья Таранов

**Охотник за БПЛА.
Философия победы**

«Автор»

2026

Таранов И. А.

Охотник за БПЛА. Философия победы / И. А. Таранов —
«Автор», 2026

В недалёком будущем для борьбы с роями беспилотников разрабатывается интеллектуальная воздушная платформа «Охотник на БПЛА». Она напичкана умными подсистемами, которые начинают конфликтовать между собой, отстаивая право оптимального решения. Искусственный интеллект, управляющий платформой, во время атаки на город огромного роя беспилотников встаёт в ступор и не способен сформировать единую картину боя. На команды военных «Охотник» не реагирует. Лишь вмешательство девушки-программиста Софии, которая разговаривает с ним как с разумным существом, позволяет машине выполнить задачу.

© Таранов И. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Илья Таранов

Охотник за БПЛА. Философия победы

Глава 1

– Понимаю вашу озабоченность, товарищ полковник, – голос Панкратава звучал жёстко, – но передавать боевую платформу без комплексного испытания с бортовой системой ИИ – это не риск, а самоубийство. Вы получите не охотника, а неуправляемую грудку железа и электроники, которая начнёт конфликтовать сама с собой.

Полковник Шевцов, невысокий, плотный, с резкими чертами лица, шагнул вперёд, напирая грудью на оппонента – долговязого мужчину в очках и неухоженной бородкой:

– А если завтра рой вражеских беспилотников в триста единиц войдёт в городскую зону?.. Вы будете оправдываться перед семьями погибших, что ваша система ещё не готова?

Панкратов медленно снял очки и протёр их, пытаясь выиграть секунды для размышления.

– Полковник, поймите главное. Охотник на БПЛА – это не просто набор радаров, навигации, системы наведения на цель, оптики, лазеров, пулемётов и умных ракет. Говорю вам как главный конструктор!.. Это самый сложный комплекс, где все узлы, блоки, субблоки, печатные платы, микрочипы должны функционировать синхронно, с задержкой не более двух миллисекунд. В противном случае вместо поражения цели мы получим ложные захваты, а враг работает на опережение. Вы готовы отвечать за потерю новейшего боевого комплекса?

– Я готов отвечать за всё, Александр Иванович. Но не за бездействие. У вас неделя на всё про всё.

Панкратов, сморщив лоб, задумался. Шевцов посмотрел в окно и вздрогнул. Стаю птиц, скорее всего ворон, он на мгновение принял за рой беспилотников и вспомнил, как две недели назад стоял перед генералом, пытавшимся уничтожить полковника грозным взглядом за десяток прорвавшихся вражеских дронов в центр города.

– Мне необходимо больше времени! – послышался голос Панкратава.

– Говорите конкретнее.

– Месяц! Не меньше.

Полковник нахмурился.

– У нас нет времени на лабораторные танцы с бубнами. Данные военной разведки – не предположения, а факт. Через десять дней может быть поздно.

Панкратов нервно крутил в руке шариковую ручку, разглядывая напряжённое лицо Шевцова и улавливая в бескомпромиссном взгляде военного человека жадное желание любой ценой добиться своей цели.

– Поступим следующим образом, – главный конструктор сел за свой рабочий стол. Машинально подвинул в сторону Шевцова сувенирный флажок на блестящей металлической подставке с логотипом АО «ЗАСЛОН» и продолжил:

– В нашей компании есть устоявшиеся ценности. Мы своевременно исполняем принятые на себя обязательства перед партнёрами и заказчиками, подтверждая высокий уровень надёжности нашей продукции.

Полковник перебил:

– Давайте без лирики, Александр Иванович!

– Хорошо! Но вы понимаете, что наша корпорация выполняет множество других оборонных заказов. У меня горят сроки по госконтракту на сенсорикку для БПЛА и робототех-

нику. Кроме этого, заказы на радиолокационные и измерительные системы, лидары, техническое зрение, которым, кстати, мы оснастили нашу "птичку".

– Вы хотите, чтобы я вам поплакал в жилетку?

– Нет.

– Тогда соберитесь и действуйте.

Панкратов нажал кнопку селекторной связи.

– Соедините меня с начальником дальней базы... Сергей Петрович! Через три часа внеплановые испытания «Охотника ХМ1». На первом этапе готовьте симуляцию на земле, грузите боевые сценарии реальных атак на города N231 и N318. На втором этапе запускаем в небо два роя беспилотников по три десятка в каждом.

– Александр Иванович, вы же знаете, что у нас ваши программисты с утра переустанавливают нейронку в ядре системы управления «Охотника». Может, на завтра отложим? – раздался в ответ бодрый голос.

– Нет-нет!.. Я лично буду с представителем заказчика из Генштаба с товарищем Шевцовым.

Лучи весеннего солнца упали на груды бумаг на столе, нашли пустое запылённое пространство столешницы. «Надо бы навести порядок», – мелькнула мысль в голове Панкратова. Последние три месяца он практически без выходных пытался увязать алгоритмы всех систем в единый контур управления через бортовой ИИ, однако стопроцентного результата достигнуто не было.

Шевцов удовлетворённо хмыкнул, но его взгляд оставался напряжённым и цепким. Полковник не любил уступок, которые давались легко. По его мнению, это означало, что собеседник либо блефует, либо оставляет лазейку для манёвра. Скрестив руки на груди, он подошёл к большой плазме на стене. Там в просторном экранированном цехе шла сборка нескольких «Охотников» – летающих платформ с лопастями и ромбовидным оперением, напичканных механизмами и электронными блоками, с подвешенными системами пуска ракет, оптикой, лазерными установками, крупнокалиберными пулемётами и кучей непонятных изделий. Каждая платформа напоминала что-то среднее между вертолётom и космическим челноком пришельцев. Панкратов подошёл к полковнику.

– Мы планировали в этом году подготовить два дивизиона «Охотников» по шесть штук в каждом, управляемым роботизированным космическим аппаратом. С Роскосмосом у нас подписан контракт. Этап проектирования на стадии завершения. Отдельные узлы уже на сборке.

– С этого места поподробнее, – оживился Шевцов.

– При всём уважении, товарищ полковник, но это сверхсекретная информация.

– Понимаю!

– Тогда прошу на вертолётную площадку. И переоденьтесь в специальную униформу.

– Это ещё зачем?

– Соблюдение секретности объекта. Вы всё сами увидите.

Несущие винты уже раскручивались, когда Панкратов и Шевцов заняли места в салоне. Машина плавно оторвалась от бетона, набирая высоту над территорией режимного предприятия. Панкратов смотрел на панораму города, уходящую за горизонт. Солнце ярко отражалось в стёклах зданий, где-то внизу шла обычная жизнь – люди учились, работали, растили детей. Он вдруг остро осознал, что все алгоритмы, коды, нейросети, системы «Охотника» – барьер между порядком и хаосом. И этот барьер пока что имеет трещины.

Шевцов достал планшет и вывел на экран карту города, показывая промышленные кварталы, административные здания и жилые массивы. Запустил сценарий атаки на город. Первыми начали взрываться трансформаторные подстанции и административные здания. Сквозь гул вертолётa до Панкратова долетали отдельные фразы:

– Каждый беспилотник несёт либо кумулятивный заряд, способный пробить метр железобетона, либо термическую боеголовку, создающую зону сплошного поражения радиусом не менее ста метров... Большинство погибнет не от прямого попадания, а от обрушения перекрытий и ударной волны, которая ломает внутренние перегородки и выбивает стёкла. Рой в триста БПЛА, по нашим расчётам, приведёт к потерям среди гражданского населения не менее пятисот человек. А если последует вторая, третья волна?

Шевцов давил на самое больное – на ответственность разработчика. Панкратов молчал. Он понимал, что военный не шутит, когда, понизив голос, говорил, что военная разведка зафиксировала концентрацию нескольких тысяч роевых БПЛА у границы. Если «Охотник» не сможет перехватывать такие рои, если система управления не отработает автоматическое целераспределение, то всё пойдёт по сценарию полковника.

– Проблема в том, – наконец сказал Панкратов, – что рои могут менять траекторию и рассредотачиваться хаотично.

– Вот именно, – жёстко ответил Шевцов.

– Однако, любой хаос управляемый.

– Согласен! – подобие улыбки появилось на смуглом лице военного. – Хаос – это когда все бегает, шумят, ничего не понимают, но поставленную задачу выполняют. Поэтому хаос должен быть задокументирован, обоснован и подписан командиром.

Панкратов хотел продолжить шутку, но его мозг был полностью поглощён производственными проблемами.

– Да-да! Всё подчиняется цифрам, полковник, как и этот пейзаж под нами.

Вертолёт летел над промзоной, лесополосами, над излучинами речки, похожими на змеящиеся петли. Разграбленные грунтовыми дорогами на прямоугольники поля сменялись скоплением сельских строений с разноцветными крышами, среди которых свечкой поднималась колокольня. По асфальтовым лентам шоссе ползли вереницами автомобили, сворачивая на ровные дуги транспортных развязок. Панкратов смотрел на эту геометрию цивилизации: всё было просчитано, разложено по координатам, нанесено на карты. Но с высоты птичьего полёта становилось очевидно, насколько хрупка эта упорядоченность. Достаточно одного сбоя в системе энергоснабжения – и город погрузится в темноту. Достаточно одного прорыва в киберзащите – и рои беспилотников превратят эти аккуратные линии в хаотичные завалы.

– Хорошо, полковник. Допустим, «Охотник» получает целеуказание и запускает перехват. Что мешает противнику применить ложные цели? – Панкратов перевёл взгляд с иллюминатора на экран планшета, где пульсировали красные точки потенциальных угроз.

Шевцов откинулся в кресле:

– Противник не дурак. Их разведка тоже работает. Они постоянно взламывают наши алгоритмы.

– Поэтому «Охотник» должен отличать реальную боевую единицу от имитации не только по геометрии корпуса или тепловой сигнатуре, а по поведению. По тому, как дрон маневрирует, как взаимодействует с соседними единицами, как реагирует на помехи. Это уровень, которого пока нет ни у кого, кроме «Охотника», но у него случаются сбои. Это поведенческий анализ роя на основе нейросетевых моделей, обученных на сотнях симуляций воздушных боёв. Теоретически система может предсказывать следующее движение цели с вероятностью восемьдесят-девяносто процентов. Но теория – это бетонные плиты взлётной полосы, ровные и надёжные. Практика – это воздушная яма, в которую вертолёт только что провалился, заставив желудок подпрыгнуть к горлу.

– Поэтому нужна практика, а не теория.

– Да, но мне нужно ещё время. Мы внедрили модуль адаптивного переобучения, – сказал Панкратов, когда машина выровнялась. – Каждое успешное отражение атаки, каждый перехват

– это новый набор данных для нейросети. Система становится умнее с каждым боем. Но первый бой — самый страшный. Если на старте мы пропустим удар...

Вертолёт резко развернулся и стал снижаться. Солнце ударило прямо в иллюминатор, заставляя пассажиров прищуриться.

– Я не спорю с цифрами, Панкратов! – голос Шевцова звучал у самого уха, перекрывая шум турбин. – Я против твоей слепой веры в них. У дежурного по роте больше порядка, чем в твоих алгоритмах. Потому что у него есть армейская чуйка...

Глава 2

Панкратов сидел поражённый собственной мыслью. «Интуитивное управление хаосом», – вот чего не хватает бортовому ИИ «Охотника». Эта мысль жгла его изнутри. Он знал, что Шевцов не поймёт. Для полковника война оставалась ремеслом, где решение принимает человек, а машина лишь исполняет. Главный конструктор видел «Охотника» как сложное логарифмическое уравнение с миллионом переменных, и «чуйка» была неучтённым коэффициентом. Винтокрылая машина сделала круг над кровлей вытянутого здания из светлого стеклофибробетона. Пребывая в размышлениях, Панкратов пропустил момент приземления. Ветер от лопастей стихал, когда пассажиры спрыгнули на бетонную площадку. Полковник удивлённо смотрел на крышную конструкцию в виде больших объёмных букв.

– Пробиотик-Вега Плюс, – прочитал он. – Мы не сбились с курса, Александр Иванович?

– Это действующий завод по переработке молочной продукции. Стеклопакеты оснащены поляризационной плёнкой. Защищают внутренние помещения от ультрафиолета, так как для ферментации йогуртов критичен световой режим, – ответил Панкратов.

– Ваш «Охотник» работает на кефире? – усмехнулся Шевцов.

– Скоро всё поймёте.

– Маскировка секретного объекта, – кивнул военный, осматривая здание, примыкавшие к нему склады из термопанелей и несколько арочных ангаров в стороне, соединённых между собой и главным корпусом галереями.

– Так точно! – ответил Панкратов. – У нас с вами ещё полчаса до назначенных испытаний. Прошу сюда, – он указал на стеклянный атриум с двойными дверями-шлюзами. Оттуда вышел приветливый мужчина в белом халате, накинутым поверх делового костюма.

– Александр Иванович, рад вас видеть!

– Это наш Сергей Петрович, директор ПВП – Пробиотик-Вега Плюс... Ну и всего остального. Знакомьтесь – товарищ Шевцов.

– Очень рад!

Они зашли в холл, отделённый от демонстрационного зала панорамным стеклом, и некоторое время наблюдали за автоматической линией розлива.

– Работает как часы, – сказал Шевцов. – Надеюсь, наша хищная птичка так же безупречна.

Сергей Петрович кивнул:

– Прошу за мной.

Они миновали несколько переходов. За очередной гермодверью открылось просторное помещение без окон, залитое холодным светом светодиодных ламп. В центре на платформе стоял «Охотник ХМ1», окружённый подкатными лестницами, стапелями, тележками с аппаратурой, паутиной кабелей. Вокруг суетились инженеры-регулировщики в синих комбинезонах. Чуть дальше перед большими телемониторами и компьютерами сидело несколько молодых людей. Симпатичная девушка оторвалась от экрана и пошла навстречу вошедшим людям.

– Здравствуйте, Александр Иванович! – приветливо улыбнулась она. – Программисты обновили ядро, центральная система управления адаптирована с нейросетью. Нам необходимо четверть часа на окончание тестирования, и можно запускать симулятор атаки.

– Это наша София – ведущий инженер-программист проекта. – А это товарищ Шевцов, представитель главного заказчика из штаба округа.

Полковник с недоверием посмотрел на молодую симпатичную девушку, а Панкратов, перехватив его взгляд, добавил:

– Мы переманили Софию из Сколково. Она занималась инновационной разработкой алгоритмов стохастической оптимизации для биотехнологических кластеров. Кстати, для производства «Пробиотик-Вега Плюс» программное обеспечение разработано командой Софии.

– Знаете, Александр Иванович, – прищурился Шевцов, – какая разница между дронами и йогуртами?

– И какая же? – Панкратов предчувствовал подвох.

– Йогурт надо взбалтывать перед употреблением, а дрон лучше не трогать.

Смех полковника никто не поддержал. Девушка, возможно, и не вступила бы в разговор, будь Шевцов в военной форме, но сейчас она будто на экзамене, слегка волнуясь, ответила:

– Моя модель управления ферментационными процессами, где хаос бактериальной активности требует постоянного пересчёта параметров, схожа с моделью управления «Охотника». Если нейросеть способна управлять живым хаосом микробиологии, она сможет перехватывать и рои беспилотников, где каждый БПЛА – как отдельная бактерия, а их коллективное движение – как процесс в бродильном чане. И наша программа прогнозирует вероятность распределения беспилотников в пространстве на основе суммирования сигнатуры от каждой системы боевой платформы.

– И это правильно! Вражеский беспилотник – опасная бактерия, и её надо давить, как летающее насекомое, – пошутил полковник, но его экспромт не был оценён.

– Работая с симуляторами, нейросеть «Охотника» самообучается, но ей необходимы полигонные учения, как для молодого бойца, – продолжил мысль девушки Панкратов.

– Вот в корень зрите, Александр Иванович! В реальном бою и надо пробовать «Охотника», – Шевцов указал пальцем на винтокрылый аппарат.

Панкратов в сердцах махнул рукой.

– Ваша твердолобость, товарищ Шевцов, хороша для бронетанковых войск, а не для интеллектуальной платформы перехвата большого роя умных беспилотников.

Полковник уже не слушал. Он с восхищением рассматривал «Охотника», обходя его вокруг. Чёрная матовая поверхность боевой машины, турели с отверстиями для ракет, сопла пулемётов, шарообразный обтекатель с радиолокационной станцией его больше интересовали, чем невидимые нейросети и непонятные программные модули.

– Товарищ Панкратов, расскажите о его конструкции. Меня интересуют дальность и скорость полёта, системы защиты, объём боекомплектов.

– Вы сами его расспросите, – усмехнулся Панкратов.

– Шуточки решили шутить?

– И не думал.

– Тогда поясните.

– Вы можете поговорить с «Охотником», как с интеллектуальным существом.

– Интересный танк с музыкой, – Шевцов с подозрением посмотрел на «Охотника», от которого техники откатывали тележки с настроечным оборудованием и убирали кабели. – А он не пошлёт меня к Лешему шишки собирать?

– Он дружелюбный, – ответила София. – И вполне симпатичный.

– Да, и общительный, – улыбнулся Панкратов и кивнул в сторону огромного экрана на стене ангара. – Называйте его ХМ1. Он сам себе выбрал визуальный образ, копируя Софию. Смелее!

– Икс эм один, расскажи о своей конструкции! – громко произнёс Шевцов, переводя взгляд с «Охотника» на экран, на котором появилось лицо Софии, но оно было будто собрано из металлических пластин.

– Вы не зарегистрированы в моём протоколе безопасности, – ответила с экрана виртуальная София.

– Разрешаю регистрацию с доступом секретности С1, – сказала настоящая София.

«Охотник» будто ожил. Светодиодные полосы на его корпусе вспыхнули мягким зелёным светом, а из динамиков, установленных по периметру ангара, прозвучал голос, лишённый эмоций, но с узнаваемыми интонациями Софии:

– Я, охотник за БПЛА модель ХМ1, представляю собой многоуровневую летающую интеллектуальную платформу, внешне напоминающую гибрид вертолётa, гироплана и самолётa. Корпус выполнен из композитных материалов с радиопоглощающим покрытием чёрного цвета с матовой текстурой, снижающей заметность в оптическом и радио диапазоне. У меня гиросtabilизированная оптико-электронная система и квазиэлектронный модуль подавления. В центральной части размещён основной отсек полезной нагрузки, от которого отходят четыре складывающихся трапецевидных крыла разного размаха: нижняя пара обеспечивает маневренность на малых высотах, верхняя – стабильность на больших. Два складывающихся подъёмных винта, два скоростных пропеллера, две газотурбины. Моя длина составляет десять метров, масса без боекомплекта – семь тонн. Полезная нагрузка – пять тонн... Продолжу позже, когда ваша центральная нервная система усвоит полученные данные.

Панкратов наслаждался произведённым на Шевцова эффектом. Тот, забыв о первоначальном скепсисе, сделал шаг вперёд и застыл с полуоткрытым ртом. София, наблюдая за взаимодействием человека и машины, не удержавшись, добавила:

– Ядро центрального процессора в непрерывном режиме прошло обучение на множестве симулированных воздушных боёв, включая сценарии с противодействием радиоэлектронному, инфракрасному и лазерному подавлению. Ядро не управляет каждым выстрелом. Оно создаёт динамическую модель поля боя и действует в её рамках для достижения заданной цели: очистки охраняемого воздушного пространства.

Шевцов поднял вверх руку:

– Стоп машина! Я вам не Эйнштейн в квадрате. Давайте по одному и поэтапно, раскладывая информацию по полочкам в шкафу моих знаний. А то тут развелось Софий, пусть даже очень симпатичных, больше, чем маршалов в армии.

– Я поняла, – София продолжала приветливо улыбаться, а Шевцов подошёл вплотную к носу «Охотника».

– Икс эм один, мне необходимо понять твои тактико-технические характеристики. Скорость, дальность, навигация, средства поражения целей. И ещё один момент. Зачем тебе складывающиеся винты и крылья?

София с экрана взяла внимание на себя:

– Товарищ Шевцов, не маячьте у меня перед глазами. Сядьте пожалуйста в кресло, расслабьтесь, выпейте чашку кофе.

Наступила пауза. Шевцов застыл.

Глава 3

– Внимание, коллеги! – Панкратов хлопнул в ладоши, воспользовавшись временным замешательством полковника. – У нас сегодня серьёзный тест-драйв. Рассаживаемся! Модератором выступает София, оппонентом – товарищ Шевцов, испытуемый – ХМ1. Запасаемся кофе и попкорном. Поехали! – громко произнёс главный конструктор. Настроение у него было на подъёме.

Техники и программисты будто ждали команду. Они дружно расселись полукругом. Слева от Шевцова расположился Панкратов, справа – София. Сергей Петрович вышел готовить натурные испытания. Полковник отхлебнул кофе и наконец сказал:

– Икс Эм один, я переварил полученную информацию. Отвечай на мои вопросы.

– Хорошо, продолжаю, – на экране появилась объёмная модель «Охотника», вращающаяся по разным осям. – В целях секретности для моей транспортировки на позицию ожидания используется обычная фура, перевозящая продукцию фирмы «Пробиотик-Вега Плюс». Чтобы мне уместиться в данном объёме несущие винты и крылья складываются вдоль корпуса с помощью телескопической и поворотной конструкции. Моя дальность действия – 1200 километров. Максимальная скорость – 430 километров в час. Тактический радиус – 100 километров при патрулировании. Автономность – 8 часов. Вооружение: сто пятьдесят семидесятимиллиметровых умных ракет С8ВЦ класса «воздух-воздух», два кинетических пулемётных модуля с боезапасом по 1700 патронов, обычный крупнокалиберный пулемёт с боезапасом 300 патронов, двадцать размышляющих барражирующих снарядов со шрапнелью, лазерная поражающая установка, инфракрасный излучатель, сеткомёт для физического перехвата. Основная система – активная фазированная решётка кругового обзора, работающая в комплексе с нейросетевым ядром для идентификации и классификации целей. Кроме того, в навигационно-прицельную систему входит блок адаптивных лидаров: я обладаю умным зрением.

Шевцов вскочил с кресла:

– Впечатляет! А какая тактика боя с роем дронов?

– Вашего доступа секретности недостаточно, чтобы получить ответ на данный вопрос, – ответил ХМ1. – Кстати, ваша маскировка неудовлетворительная. Уставные ботинки, начищенные как медаль, и командный голос сдадут вас с потрохами.

– Может, ты ещё подскажешь мой вес, рост и всё остальное? – усмехнулся полковник.

– Пожалуйста! Вывожу на экран ваши данные, так сказать, тактико-технические.

– Ты и шутить умеешь, – Шевцов передёрнулся и уставился на экран. Цифры в таблице не то, что удивили полковника, а поразили его до мурашек. Кроме роста, веса, количества мышечной массы, объёма талии и груди, давления, пульса, там были данные о состоянии зрения, физических возможностях на выносливость, скорости реакции и многое, чего Шевцов сам не знал о себе.

– С вопросами поосторожнее, – сказал Панкратов и утвердительно кивнул Софии, которая вопросительно смотрела на него.

– Разрешаю доступ секретности С2. Совершенно секретно, – произнесла девушка.

– Я вас понял, – ответил ХМ1. – Поздравляю, товарищ Шевцов. Вы в моём списке.

– Звучит как угроза, – засмеялся полковник.

– Не обольщайтесь! Я не ваш подчинённый.

– Ладно, поехали дальше! – Шевцов сделал вид, что последняя фраза прозвучала не для него.

– Чтобы разобраться с моей тактикой, необходимо пояснить общую философию моего искусственного интеллекта. Главный конструктор заложил в неё основы конфуцианства, даосизма и моизма из древнего трактата «Искусство войны». Сунь-Цзы утверждал: «Если, желая

сразиться и победить, атаковать и добыть, не прибегая при этом к применению способов огневой атаки, получится несчастье; получится то, что называется «длительными тратами». Поэтому и говорится: просвещённый государь рассчитывает на эти средства, а хороший полководец их применяет. Если не выгодно, не двигайся. Государь не должен поднимать оружие из-за своего гнева. Если нет опасности, не сражайся. Полководец не должен сражаться из-за своих переживаний. Лишь при соответствии манёвра выгоде – двигаются».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.